

В.Н. ПЕТРОВ

**ИНОЭТНИЧНЫЕ МИГРАНТЫ И ПРИНИМАЮЩЕЕ ОБЩЕСТВО.
ОСОБЕННОСТИ ПРОБЛЕМНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
(на примере турок-месхетинцев)**

ПЕТРОВ Владимир Николаевич - кандидат философских наук, доцент Кубанского государственного университета.

В России на протяжении 90-х гг. XX в. и в начале XXI в. наблюдается приток внешних мигрантов. При всем разнообразии видов и форм миграционных потоков очевидно присущее им общее - влияние на них этнических факторов. Этническая миграция из стран дальнего и ближнего зарубежья (Китай, Корея, Афганистан, Азербайджан, Армения, Таджикистан, Туркменистан и др.), пополняя уже существующие диаспоры и создавая новые, заметно воздействует на обстановку в принимающих регионах. Иноэтнические мигранты и принимающее их общество находятся в сложном *взаимодействии*, отражающем противоречивость интересов сторон.

Достаточно типичным примером российских регионов, подвергшихся в 1990-е гг. влиянию этнических миграционных процессов, является Краснодарский край. Последствия его нашли отражение в этноструктурных изменениях [1]. На первый взгляд, они не столь очевидны, поскольку социальное и этнокультурное значение русского населения, его численная доля в общем составе жителей края остаются почти неизменными. Однако более детальный анализ обнаруживает весьма существенные изменения в этнодемографической структуре населения. Во-первых, следует отметить вклад этнических миграций в пополнение численности населения. Наиболее значительным он был в этнической группе русских, но не только здесь: прирост группы армян, например, на 84,5% был обеспечен тоже за счет мигрантов [2]. С учетом нелегальной составляющей общая численность мигрантов, находящихся на территории края, достигает миллиона человек, т.е. 1/5 всего населения. Во-вторых, изменения выразились в быстром росте численности одних этнических групп и сокращении других (табл. 1). Наиболее значительный результат трансформации этнической структуры социальной общности в Краснодарском крае состоит в том, что украинцы - один из народов, создавших этнокультурную специфику этого региона, в межпереписной период уступили свою позицию армянам. Заметное в абсолютном исчислении предствительство и долевое значение в составе населения утратили этнические группы немцев, белорусов, крымских татар, евреев. Рост же численности других этнических общин, как видно из таблицы, происходил очень высокими темпами.

Численность и доля отдельных этнических групп Краснодарского края по данным переписей 1989 и 2002 гг. [3]

Этносы	1989		2002		(+), рост (-), уменьшение 1989, 2002
	Чел.	%	Чел.	%	
Все население	4620876	100,0	5125221	100,0	+
Русские	4006811	86,71	4436272	86,56	+
Украинцы	182128	3,94	131774	2,57	-
Армяне	171757	3,72	274566	5,36	+
Белорусы	34688	0,75	26260	0,51	-
Немцы	29946	0,65	18469	0,36	-
Греки	28337	0,61	26540	0,52	-
Адыгейцы	20795	0,45	15821	0,31	-
Татары крымские	17123	0,37	2609	0,05	-
Татары	14547	0,32	25589	0,5	+
Грузины	12105	0,26	20500	0,4	+
Азербайджанцы	10343	0,22	11944	0,27	+
Цыгане	8186	0,18	10873	0,21	+
Евреи	5163	0,11	2945	0,06	-
Турки и турки-месхетинцы*	2119	0,05	11493	0,27	+
Курды	2262	0,05	5022	0,1	+
Ассирийцы	1738	0,04	3764	0,07	+
Корейцы	1157	0,03	3289	0,06	+
Чеченцы	1623	0,04	2864	0,06	+

* В ходе проведения переписи населения 2002 г. в Краснодарском крае турки-месхетинцы при опросе назывались в основном турками и соответственно были учтены в числе турок (только 116 человек назвали себя турками-месхетинцами). В таблице эти национальности показаны вместе.

Если в демографической картине региона доли отдельных этносов невелики, то на локальном уровне, в силу компактного расселения и элементов анклавизации, их представительство может быть значительным. Компактные поселения различных этнических групп характерны для истории этнических миграций на Кубани. С 1861 г. сюда начинается переезд малоазийских греков, которые расселились вблизи Анапы и Туапсе. Во второй половине XIX в. основываются поселения немецких колонистов из Южной Германии, а также болгар, чехов, эстонцев, поляков, евреев, молдаван из Бессарабии, грузин из Западной Грузии [4]. В ходе активной стадии этнических миграций 1990-х гг. в крае возникли новые этнические общины. Так, *община турок-месхетинцев*, по данным переписи 2002 г., насчитывала 11 493 чел. Ее долевое представительство в населении края невелико - всего 0,27%, однако в некоторых районах они представляют заметную (от 2% до 5%) этническую группу.

Складывающиеся под влиянием миграционных процессов социальные взаимодействия в местах локального поселения этнических мигрантов нередко носят проблемный характер, сопровождаются ростом социальной напряженности и конфликтов. Чем это вызвано? Что и кто создает проблемы? В чем они находят выражение? Одна из точек зрения заключается в том, что проблемы создает принимающее общество [5]. Это оно, сопротивляясь расширению потока иноэтнических мигрантов, проявляет стремление к моноэтничности и этноизоляции, ориентируясь на замкнутость, защищает свои ресурсы и права коренного населения. При этом СМИ принимающего общества, выражая его интересы, вносят свою "лепту" в проблематизацию отношений с мигрантами [6]. В них иноэтнические миграции, особенно массовые, обычно изображаются как угроза принимающему обществу. Мигранты наделяются чертами, в совокупности рисующими "образ врага", что ведет к развитию ксенофобии и мигрантофобии.

Варианты иной точки зрения определены в теориях "культурного шока", "аккультурации", в которых обращается внимание на то, какие проблемы порождают мигранты своими неадекватными реакциями на ожидания и требования принимающего общества [7]. При этом преимущественно рассматриваются личностные стратегии и тактики поведения мигрантов, которые могут проявляться в: а) линии на ассимиляцию; б) уважительном отношении к культурным нормам и ценностям, имеющимся в принимающем обществе, безусловном соблюдении социальных требований этого общества - вариант мультикультурализма; в) поддержании этнокультурной обособленности; г) попытках, ведущих к сепаратизму, навязать принимающему обществу свои правила и ценности; д) курсе на замкнутость, культурный изоляционизм. Эти варианты не реализуются полностью в чистом виде. Они находятся во взаимном переплетении и актуализируются в зависимости от конкретной ситуации социального взаимодействия.

В ряде исследований группового поведения иноэтничных мигрантов показывается, что оно может ориентироваться на сохранение своей национальной идентичности и одновременно на всемерное расширение, захват новых позиций в принимающем обществе. В. Гельбрас, например, утверждает, что члены сообщества, организованные по типу землячества, стремятся более или менее открыто и законно достигать и расширять в принимающем обществе экономические, а когда возможно, и политические плацдармы. "При этом представителей землячества не заботят интересы окружающего общества, для них чрезвычайно важно выявление и максимально полное использование слабых сторон окружающего мира" [8].

В данной статье анализируется опыт взаимодействия турок-месхетинцев и населения Краснодарского края. В ней используются материалы нескольких исследований, проведенных отделением социологии Кубанского госуниверситета под руководством автора: "Социологическое исследование проблемы толерантности во взаимодействии этнических мигрантов и принимающего общества в Краснодарском крае" (2002 г.); "Исследование условий проживания турок-месхетинцев в Краснодарском крае, факторов, влияющих на их потенциальную мобильность" (2003 г.) [9]; "Исследование характера межэтнических отношений в местах компактного проживания турок-месхетинцев" (2004 г.). Прежде чем обратиться к анализу результатов названных исследований, рассмотрим, кто такие турки-месхетинцы и как они появились в Краснодарском крае.

Современный этноним "турки-месхетинцы" - собирательное понятие, которым определяются потомки полиэтничной общности людей, исторически населявших местность Месхети-Джванхети в Южной Грузии. После присоединения этой местности к Османской империи во второй половине XVI в. произошло отуречивание жившего там населения, что выражалось в ассимиляционных процессах и переходе части жителей из христианской веры в мусульманскую. По Адрианопольскому договору России с Турцией в 1829 г. указанная местность и население отошли к России и вошли в состав Тифлисской губернии. В 1916 г. мусульмане составляли здесь 34% жителей. В довоенное время в СССР часть населения на этой территории подверглась формальной "азербайджанизации". В ноябре 1944 г. мусульманское население из Южной Грузии под предлогом "улучшения охраны государственной границы СССР на участке Грузинской ССР" было депортировано. В 1950 г. на спецпоселении из Грузии находилось 86663 чел., в том числе 46790 месхетинских турок. Из общего числа спецпоселенцев 43,6 тыс. находились в Узбекистане, 32,4 тыс. - в Казахстане, 10 тыс. - в Киргизии. Реабилитация турок-месхетинцев началась в 1956 г. и имела ограниченный характер, поскольку не решала главного вопроса - возвращение на историческую родину. Единственная попытка решения этого вопроса - принятие в 1979 г. ЦК КП Грузии постановления о репатриации месхов в Западную Грузию - оказалась организационно неподкрепленной и безуспешной.

Значительная часть представителей этой национальности находилась в Узбекистане. В 1989 г. там проживало 106,3 тыс. из числившихся в СССР 207,5 тыс. турок-

месхетинцев. С 23 мая по 8 июня 1989 г. в городах Фергана и Маргилан происходили массовые столкновения узбеков и таджиков с турками-месхетинцами. Они сопровождались насилием и погромами, было убито более 100 чел., пострадало около тысячи, разграблено и сожжено более 1000 домов. В числе причин этих событий отмечались: перенаселенность в Ферганской долине и высокая безработица, напряженность в обеспечении продуктами питания, узбеко-таджикские противоречия, в которых роль громоотвода досталась туркам-месхетинцам, а также общественная активность и притязания последних, более высокий уровень их жизни. Результат событий - вынужденная миграция 90 тыс. турок-месхетинцев из Узбекистана. Постановлениями Совета Министров СССР от 26 июня 1989 г. "О мерах по созданию необходимых условий для проживания в областях РСФСР турок, вынужденно покинувших место постоянного жительства в Узбекской ССР" и Совета Министров РСФСР от 13 июля 1989 г. определялись места постоянного проживания их в Нечерноземной зоне РСФСР, в Белгородской, Воронежской и Курской областях, а также комплекс мер, предусматривавших выплаты семьям, потерявшим кормильца, компенсацию материального ущерба, льготы переселенцам, денежные пособия на хозяйственное обзаведение. Расселение турок-месхетинцев произошло в 27 регионах Российской Федерации.

В Краснодарский край турки-месхетинцы стали прибывать уже в 1970-е годы. Переписью 1979 г. здесь зафиксировано 204 чел. представителей этой этнической группы. Рост общины продолжался, и через 10 лет численность ее составляла 2135 чел., расселенных главным образом в Апшеронском и Белореченском районах. Массовый неорганизованный приток турок-месхетинцев в край произошел сразу же после событий в Фергане. Причем, он имел четко выраженную направленность на Крымский и Абинский районы, поселение в которых уже было запрещено краевой администрацией в связи с таким же массовым притоком сюда крымских татар. Переселение же не в рекомендованные районы означало лишение мигрантов государственной поддержки, предусмотренной в упомянутых постановлениях. По справке МВД РФ, в начале 1990-х гг. в Краснодарском крае проживали 13,6 тыс. турок-месхетинцев, из них только в Крымском районе - более 8,5 тыс. (Для сравнения: в Белгородской области - 3372, Воронежской - 2387, Курской - 1839, Волгоградской - 1560, Ростовской - 1447, Орловской - 635, Смоленской - 503 чел.).

Полиэтническое по составу население Краснодарского края, по нашим наблюдениям, обладает довольно высоким потенциалом толерантности и комплементарности по отношению к мигрантам. Однако на ее характер накладываются некоторый отпечаток исторические традиции населения региона, прежде всего казаков. В истории взаимодействия казаков и "иностранцев", составлявших к революции 1917 г. большую половину жителей Кубанской области, но стигматизированных как "вечные мигранты", можно найти определенные предпосылки мотивации неприятия "иных". Вселение турок-месхетинцев реанимировало негативную историческую память у местного населения, и особенно у казачества, по отношению к туркам, сформировавшуюся под влиянием многочисленных военных походов запорожских казаков и войн России с Турцией в XVII-XX вв. Следует также учитывать то, что возможность их поселения в Абинском и Крымском районах Краснодарского края исключалась Постановлением Совета Министров СССР № 1476 от 24 декабря 1987 г. "Об ограничении прописки граждан в некоторых населенных пунктах Крымской области и Краснодарского края". Тем не менее поселения возникали: путем юридически неоформленных сделок "из рук в руки" турки-месхетинцы покупали жилье, главным образом, у выезжавших в Крым крымских татар. В этой ситуации о турках-месхетинцах у жителей края начинают формироваться представления как о мигрантах, которые пытаются навязать принимающему обществу свои правила игры, тогда как они должны жить по его уставу.

При характеристике *турецко-месхетинской общины* следует обратить внимание на ее качественные характеристики, во многом определяемые культурными основа-

Таблица 2

**Стратегии взаимодействия и взаимоотношений турок-месхетинцев и местного населения
в Краснодарском крае (в % от числа опрошенных по каждой группе)**

Суждения респондентов	2003	2004
	Отношение турок-месхетинцев к местным N = 1688	Отношение местных к туркам-месхетинцам N = 250
Уважаю их права и обычаи	86,6	29,5
Мы не должны вмешиваться в дела друг друга	8,4	12,8
Пусть они уважают то, как живу я	1,6	34,0
Мне нет до них дела	1,7	16,9
Затрудняюсь ответить	1,7	6,8

ниями социальной организации, социально-историческими особенностями. Патриархальная организация семьи, прочные кланово-родственные отношения, диаспоральная организованность и подчиненность авторитету лидеров, чувство перенесенных обид и ущемленности от реальных и мифологических лишений, тенденции культурной замкнутости и изоляционизма, подозрительность и напряженность в отношениях с властью и местным населением, в частности, казачеством, несомненно, накладывают отпечаток на процессы взаимодействия с населением принимающего общества. Как народ, претерпевший насильственное выселение с территории родины, турки-месхетинцы испытывают настороженность в отношении перспектив их жизненной судьбы и тех, кто так или иначе пытается вторгаться в их жизнь. Отсюда возникает зачастую специально провоцируемая их лидерами и представителями отдельных правозащитных общественных организаций негативная реакция, выражающаяся в отказе идти на доброжелательный контакт с населением и конструктивный диалог с органами власти.

Один из ключевых моментов, создающих проблемность, - отсутствие у значительной части турок-месхетинцев статуса постоянного жителя РФ. Из 1688 опрошенных в 2002 г. представителей этой национальности гражданами Российской Федерации являются 884 человека (52,4%); 18 человек определили себя как иностранные граждане и 756 (44,8%) - как лица без гражданства. Из общего числа указанных в опросных листах 8524 человек 2648 (31%) значились как не имеющие гражданства. (Полученные данные позволили уточнить расчетную численность лиц турецко-месхетинской национальности, не имеющих гражданства на момент проведения опроса в 2003 г., которая определялась в 3914 человек, что по отношению к их общей численности в обследованных четырех районах - 10690 человек составляла 36,6%).

По данным нашего опроса, в ответах турок-месхетинцев доминирующее место среди вариантов их стратегий поведения заняла позиция, демонстрирующая толерантное отношение к местным жителям, декларирующая готовность к принятию культурных норм и ценностей принимающего общества, соблюдению общих социальных требований этого общества и выражающаяся в суждении "уважаю права и обычаи" местного населения. Согласие с этим суждением высказали 86,6% опрошенных (табл. 2). Это свидетельствует о большом потенциале конструктивности в отношениях турок-месхетинцев к местным жителям. Но существует и позиция настороженности. Она выражена в ответах 8,4% представителей опрошенных семей. Сепаратистские настроения обнаружили у 1,6% респондентов; стремление к изоляционизму демонстрируют 1,7% опрошенных.

В исследовании 2004 г., проведенном среди *местных жителей* в четырех населенных пунктах с компактным проживанием турок-месхетинцев, фиксируются полярно расположенные распределения ответов. Доминирующее место занимает бескомпромиссная позиция, адресованная мигрантам "Пусть они уважают то, как живу

**Близость/удаленность по шкале социальной дистанции Богардуса местных жителей
и этнической группы турок-месхетинцев в Краснодарском крае**
(в % от числа опрошенных по каждой группе!)

Суждения респондентов	2002		2004
	Славяне и представители других европейских народов N=181	Представители народов Кавказа и Средней Азии N=36	Русские N=185
Не против брака и родственных уз с представителями этой группы	1,8		2,2
Могу принять их как личных друзей	2,4	14,3	4,9
Могу принять как соседей, проживающих на моей улице	10,7	7,1	16,2
Могу принять как коллег по работе, имеющих ту же профессию	4,2	3,6	6,5
Могу принять как граждан моей страны	9,5	32,1	7,6
Могу принять только как туристов в моей стране	20,2	10,7	16,8
Предпочел бы не видеть их в моей стране	51,2	32,1	45,9

я", которая все же сопряжена с пониманием необходимости и полезности движения навстречу тем, кто на самом деле стремится к интеграции в принимающем обществе.

Данные социологического исследования толерантности - интолерантности в ситуациях взаимодействия этнических мигрантов с полиэтничной принимающей средой (2002 г.) позволяют утверждать, что в сознании местных жителей, особенно тех, кто относит себя к группе "славяне и представители других европейских народов", сложится негативный образ турка-месхетинца. В качестве характерных черт, образующих его гетеростереотип в сознании русских, туркам-месхетинцам приписываются такие, как "агрессивность" - 15,3% (от всего числа определенных), "вспыльчивость" - 13,5%, "хитрость" - 8,7%, "высокомерие" и "навязчивость" - по 7,2%, "лицемерие" - 6,3%. Позитивные же черты, такие как "общительность" и "покладистость", отметили, соответственно, лишь 2,3% и 0,7%.

Еще более резко негативно воспринимаются турки-месхетинцы респондентами той же группы по данным измерения степени межэтнической близости по шкале социальной (в нашем случае - межэтнической) дистанции Богардуса (табл. 3). Эти данные свидетельствуют: по отношению к туркам-месхетинцам из выделенных в исследовании 2002 г. этносов (азербайджанцы, армяне, адыгейцы, белорусы, грузины, греки, корейцы, немцы, русские, турки-месхетинцы, украинцы), проживающих в Краснодарском крае, зафиксирован самый высокий показатель степени полного отвержения - 51,2% в группе "славяне и представители других европейских народов" отказываются иметь с ними какие-либо контакты. Около 20% готовы воспринимать их как временных гостей. Несколько меньшая, но столь же высокая интолерантность проявляется в ответах местных представителей народов Кавказа и Средней Азии.

Исследование 2004 г. в местах компактного проживания турок-месхетинцев вносит лишь некоторые коррективы в сложившуюся картину. Они связаны с несколько большей распространенностью приемлемости контактов местных жителей с турками-месхетинцами относительно соседства и трудовой деятельности. Вместе с тем, данными этого исследования вновь подтверждается наличие высокой степени недоверия и опасений в восприятии друг друга. Опрошенные респонденты из состава местного населения отмечали, что относятся к туркам-месхетинцам "с неприязнью" - 20%, "недоверчиво" - 13%, "с опаской" - 10,4%, "дружелюбно" - 10,4%. Они считают, что турки-месхетинцы относятся к ним "с неприязнью" - 29,6%, "высокомерно" - 18,4%, "уважительно" - 11,2%. Эти определения в отличие от тех, что были сделаны

респондентами в исследовании 2002 г., во многом построены на реальной практике. Так, 34,8% из числа опрошенных местных жителей в 2004 г. нормально контактировали с турками-месхетинцами, а 34,4% имели опыт негативных отношений. 67,2% утверждают, что ситуация в крае изменилась в худшую сторону из-за поселения турок-месхетинцев (это самый высокий показатель по сравнению с оценкой влияния на ситуацию армян, цыган, адыгейцев, чеченцев).

Оценивая распространенность среди турок-месхетинцев таких положительных качеств национального характера, как "трудолюбие" - 31,1% и "уважительное отношение к старшим" - 29,3%, местные жители отмечают невыраженность ряда позитивных: "общительность" - 7,7%, "открытость" - 2,3%, "честность" - 1,8%, "щедрость" - 1,4%, "терпимость" - 3,2%. Они значительно чаще констатируют у них негативные черты, которые могут содержать потенциальную опасность, породить тревогу: "сплоченность" - 42,8%, "агрессивность" - 42,3%, "хитрость" - 35,8%, "грубость" - 25,2%, "лживость" - 23,0%, "жадность" - 13,5%. Это резко контрастирует с тем, как понимаются этими респондентами черты национального характера русских: "дружелюбие" - 47,3%, "терпимость" - 36,3%, щедрость" - 25,3%, "общительность" - 23,3%, "открытость" - 22,4%, "честность" - 15,8%, "грубость" - 9,0%, "хитрость" - 7,8%, "жадность" - 6,9%, "лживость" - 6,1%, "сплоченность" - 4,5%, "агрессивность" - 6,5%.

На формирование общественного мнения местного населения относительно турок-месхетинцев оказали влияние позиции региональных властей, а также средств массовой информации. Управленческую линию отношений с турками-месхетинцами со стороны руководства Краснодарского края и ее легитимацию населением нельзя до конца понять, не принимая во внимание те отношения, что сложились в предшествующий период с крымскими татарами. Для местного населения и власти турки-месхетинцы так же, как и крымские татары, - транзитные мигранты. Пребывание их на территории Кубани лишь кратковременная остановка на пути "домой". На первом этапе в качестве рычагов противодействия их поселению в Краснодарском крае власти использовали отказ в переоформлении паспортов, регистрации по месту жительства. Таковы решения малого Совета Краснодарского краевого Совета народных депутатов от 12 февраля 1992 г. "О мерах по снижению напряженности в межнациональных отношениях в Крымском и некоторых других районах края". Затем в 1998 и 2000 гг. принимались постановления главы администрации Краснодарского края "О временной регистрации лиц турецко-месхетинской национальности на территории Краснодарского края", в которых они фактически были отнесены к категории иностранных граждан, временно находящихся на территории РФ. Еще более жесткими в определении правового положения турок-месхетинцев стали опротестованные прокуратурой постановления Законодательного Собрания Краснодарского края: "О дополнительных мерах по снижению напряженности в межнациональных отношениях в районах компактного расселения турок-месхетинцев" от 20 февраля 2002 г. и "О мерах по усилению государственного контроля за миграцией и административному выдворению лиц, незаконно находящихся на территории Краснодарского края" от 27 марта 2002 г. В целом управленческая концепция краевых властей по отношению мигрантов дрейфовала от достаточно выраженного либерализма (начало 1990-х годов) до крайностей консерватизма (конец 1990-х годов - начало XXI в.). Воплощение в практику этой концепции сопровождалось дефицитом управленческих мер и действий при решении проблем как мигрантов, в том числе турок-месхетинцев, так и местного населения. Но очевидно, что линия, проводимая краевой администрацией, с одной стороны, учитывала настороженное отношение "местных" в отношении приезжих, с другой, - усиливала массовое представление о последних как о "гостях", чаще всего непрошенных и незваных, к тому же "загостившихся" в доме хозяев.

Официальная линия и реакция местных жителей тиражируются и эмоционально усиливаются СМИ. Подтверждение тому - результаты контент-анализа краевых ежедневных газет "Кубанские новости", "Кубань сегодня", "Вольная Кубань" за

2001-2003 гг. с читательской аудиторией около 50% от аудитории краевых печатных СМИ на Кубани [10]. Из 388 публикаций, содержащих этническую информацию и "национальные" лексемы, туркам-месхетинцам посвящена 71 публикация, почти ровно столько же, сколько русским и казакам (по 75 публикаций). В 2/3 статей рассматривается ситуация конфликта и только в 1/3 - ситуация сотрудничества и добрососедства. Наиболее конфликтными этносами на страницах кубанских газет выступают *турки-месхетинцы* - 46 публикаций, армяне - 19, чеченцы - 16, курды - 15. Стремление к сотрудничеству демонстрируют казаки - 16, русские - 14, адыгейцы - 9, армяне - 8. Проявление нетерпимости и агрессии: казаки - 9, русские - 4. В 33 публикациях о турках-месхетинцах сделан акцент на их замкнутости и изолированности от окружающего общества. Как видим, в прессе выделяется этническая группа турок-месхетинцев, вокруг нее концентрируется поток негативной информации, что, конечно, влияет на их образ в массовом сознании жителей края. Не случайно нашими исследованиями зафиксирована большая распространенность тревоги среди "местных" из-за снижения собственного этнического статуса, специфического комплекса неполноценности, страха перед конкуренцией с этническими группами, более приспособленными к жестокости и борьбе, в том числе турками-месхетинцами.

В заключение отметим, что ситуацию *взаимодействия* турок-месхетинцев с принимающим обществом в Краснодарском крае можно рассматривать как случай *неуспешной интеграции и незавершенной миграции*. Действия по выходу из этой ситуации должны быть связаны с пониманием невозможности решить проблемы лишь средствами ограничений и контроля. Не может быть исчерпывающим решением проблемы пребывания турок-месхетинцев, не имеющих гражданства, их вынужденный, тем более принудительный выезд. Начавшееся по инициативе США переселение турок-месхетинцев в эту страну имеет, пожалуй, не столько гуманитарную, сколько политическую подоплеку. Оно возбудило интерес значительной части турецко-месхетинских семей и повлекло соответствующее миграционное движение, но все же не вызвало полной поддержки у всех проживающих на Кубани представителей этой национальности, а значит, большая их часть и население местных сообществ будут сталкиваться с прежними проблемами. В связи с этим обостряется необходимость проработки и осуществления мер социального и правового характера по изменению неопределенного, формально незаконного статуса турок-месхетинцев, не имеющих гражданства, в законный.

Очень важно также создавать более позитивную атмосферу в общественном мнении по вопросам миграции, укреплять доверие между представителями различных этносов. В этом плане целесообразно предпринять усилия в самых разнообразных формах по распространению этнокультурных знаний и развитию этнокультурной компетентности этнических мигрантов и населения принимающего общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Петров В.Н.* Миграции населения и этнические мигранты в современной России. Краснодар, 2004.
2. *Ракачев В.Н., Ракачева Я.В.* Краснодарский край: этносоциальные и этнодемографические процессы (вторая половина 1980-х - начало 2000-х гг.). Краснодар, 2003.
3. См.: Национальный состав населения Краснодарского края по данным Всесоюзной переписи населения на 12 января 1989 г. Краснодар, 1990; Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. по Краснодарскому краю. Краснодар, 2004.
4. *Матвеев О.В., Ракачев В.Н., Ракачев Д.Н.* Этнические миграции на Кубани: история и современность. Краснодар, 2003. С. 52-71.
5. Миграция и безопасность в России / Под ред. *Г. Витковский и С. Панарина*. М., 2000; Миграция и национальная безопасность / Гл. ред. *В.А. Ионцев*. М., 2003.
6. Миграция и информация. М., 2000; *Ясавеев И. Г.* Конструирование социальных проблем средствами массовой коммуникации. Казань, 2004.
7. *Лебедева И.М.* Социально-психологические закономерности аккультурации этнических групп // Этническая психология и общество. М., 1997; *Павленко В.Н.* Аккультурационные стратегии и модели трансформации идентичности у мигрантов // Психология беженцев и вынужденных переселенцев:

- опыт исследования и практической работы. М., 2001; *Стефаненко Т.Г.* Этнопсихология. М., 1999; *Berry J.W.* Acculturate Stress // *Psychology and Culture* / W.J. Lonner, R.S. Malpass (Eds.). NY., 1994; *Berry J.W., Poortinga Y.H., Segall M.K. & Dasen P.R.* Cross-cultural psychology; Research and application. N.Y., 1992.
8. *Гельбрас В.* Китайская миграция и китайские землячества в России // Мир в зеркале международной миграции: Сб. статей / Гл. ред. *В.А. Ионцев*. М., 2002. С. 21.
 9. *Петров В.Н., Охрименко В.И.* Община турок-месхетинцев в Краснодарском крае: черты социального портрета. Краснодар, 2003.
 10. *Ракачев В.Н., Ракачева Я.В.* Краснодарский край: этносоциальные и этнодемографические процессы (вторая половина 1980-х - начало 2000-х гг.). Краснодар, 2003. С. 189-199.